

*EFPP Psychoanalytic
Psychotherapy Review*

Элла Столпер

ГРУППА С «ПУСТУЮЩИМ МЕСТОМ»

13/2016

ГРУППА С «ПУСТУЮЩИМ МЕСТОМ»

Незаполненное пространство и пустующие места как необходимый аспект восприятия «групповой целостности» в групповой психотерапии для лиц, переживших утрату близких

Резюме

Данная статья открывает новый взгляд на понятие незаполненного пространства и пустующих мест в групповой психотерапии в области травм и потерь, демонстрируя пустующие места как необходимую часть восприятия «групповой целостности». В этой статье я представлю иной взгляд на вопросы отсутствия и неявики на встрече группы, покажу подход и примеры практического использования отсутствий, «незаполненного пространства», пустующих мест – в качестве содержательного материала, при посредстве которого осуществляется работа в группе, опровергая на практике другие распространенные подходы, которые рассматривают факт отсутствия как форму сопротивления, acting out и anti group, направленные против работы в группе.

Прежде всего необходимо определить понятие «пустующего места» или «незаполненного пространства» в данном контексте. Я буду им пользоваться на протяжении всей статьи, продемонстрирую с его помощью политический, социальный и семейный статус граждан Израиля, потерявших брата или сестру, когда те служили в армии; подчеркну как сознательные, так и бессознательные аспекты их состояния с точки зрения групповой психотерапии.

«Пустота» на иврите «халаль» и, кажется, только иврит способен одним-единственным словом обозначить одновременно и пространство, и вселенную, и пустоту и, вместе с тем, – погибшего солдата. При этом, когда на основе существительного «халаль» образуют глагол «лехолель», он получает уже совсем новый смысл: «производить», «созидать», «творить».

При групповом анализе под «пустотой» понимается обычно «незаполненное пространство», воспринимаемое как форма сопротивления, затруднения в общении с группой или амбивалентного отношения ее членов к психотерапевтическому процессу (Foulkes, 1975). Опоздания и неявики воспринимаются как проявление неспособности выносить боль расстроенной раны личной потери, как желание отдалиться от нее, апатичное отношение (Bion, 1961), неучастие, уклонение, acting out или anti group, возникшие в группе (Nitsun, 1996).

Я утверждаю, что «незаполненное пространство» генерирует смерть и жизнь одновременно, в нем заключены вместе разрушение и созидание, – точно так же, как употребление многозначного слова «халаль» на иврите создает двунаправленное движение: гибельное и оздоровительное одновременно. В данной статье я продемонстрирую

оба направления на материале работы с пациентами, потерявшими братьев и сестер в армии, – и мы с вами вместе увидим, в каких случаях движение оказывается парализующим и разрушительным, а в каких оно возвращает пациентов к жизни.

Пытаясь перевести на русский язык слово «шхоль», я поняла что это уникальное для Израиля понятие, означающее состояние траура и скорби по солдатам, погибшим во время войны, военных действий или терактов. такого понятия нет других языках, это государственное, социальное и политическое решение государства, дающее превелигорванный статус семьям погибших в армии. В каждой стране есть явления, которые становятся прозрачными и попадают в чёрные дыры социального бессознательного, и другие явления, которые выделяются и подчеркиваются специально, тем самым отражая общественные и государственные приоритеты той или иной страны.

До недавнего времени государство удостаивало только родителей погибших особым статусом, предоставляющего им особые льготы, услуги и помощь.

В последние годы государственная система признает особое состояние траура также и за братьями и сестрами погибшего, предоставляя им тот же статус, что и родителям.

Значение потери брата

Братья представляют собой первую в жизни человека группу равноценных личностей, в которой каждый из них взрослеет, развивается, приобретает жизненный опыт. «Братское пространство» – это «игровое поле» (Дан, 1983), где братья «проводят тренировки» по взаимоотношениям и конкуренции друг с другом; это пространство является для них также интеллектуальным «вызовом». В отношениях между братьями впервые развиваются способности к общению с людьми и умение постоять за себя в обществе. Они учатся сориться и мириться, играть и соревноваться, но при этом еще и делить между собой самый драгоценный ресурс – своих родителей.

Для человека, оставшегося в живых, смерть брата несет особый, уникальный смысл; его утрата оказывается не единственной, она содержит в себе многие утраты. Потерявший брата теряет часть самоидентификации, связанной с погибшим (Ицкович и Глобман, 1992), и, в определенной мере, теряет также и родителей (Bank & Kahn, 1982). Психологи называют это состояние «двойным трауром».

Категория лиц, потерявших братьев во время службы последних в израильской армии, представляет собой «прозрачное пространство» с точки зрения семейной, социальной и политической жизни в Израиле.

«Прозрачное пространство» на социально-политическом уровне.

По Лебелу (2012), словосочетание «прозрачное пространство» определяет категорию лиц, чьи братья погибли в армии, но, несмотря на это, общественное сознание страны их игнорирует. Многие представители этой группы населения чувствуют, что их особое положение не признано государством, и что они не получают от государства достаточной помощи в связи с постигшей их бедой. Такое неуважительное отношение, известное по профессиональной литературе как «**траур, лишенный общественного признания**» (Doka, 1989), является прямым следствием того факта, что общество не осознает траурного состояния определенной части населения, особый статус которой не получил **общественного признания**. Для всей этой группы населения не получила признания ничья утрата и личная боль: **у них не было возможности сделать свой траур общественным событием** – либо случаи признания оказались слишком немногочисленны и немасштабны (Ицкович и Глобман, 1992).

Понятие «**бесправное горе**» (Disenfranchised grief), введенное Doka в 2002 г., отражает одну из главных сложностей для лиц, переживших утрату. Эта сложность связана с поведением их окружения. Непризнание обществом права на траур может являться следствием социальных концепций, не признающих обстоятельств смерти погибшего, способов выражения траура по нему со стороны оставшегося в живых брата, его социального статуса, либо качества его взаимоотношений с погибшим. Знаки подобного общественного непризнания могут резко усугубить тяжесть реакции на утрату (Doka, 2002), либо препятствовать полноценному трауру по погибшему.

Игнорирование обществом состояния траура по погибшим братьям – масштабная проблема самого общего характера, и проявляется она не только в повседневной жизни, но и в малом (недостаточном) объеме профессиональной литературы по данному вопросу (Ицкович и Глобман, 1992).

Такое игнорирование ярко демонстрирует наличие парализующего и разрушительного движения со стороны общества в отношении целой группы людей, у которых общественное непризнание приводит к стагнации симптомов траура и тормозит процесс его внутренней переработки.

Вместе с тем, важно отметить, что в последние годы положение с нехваткой исследований и академических работ по данному вопросу меняется в лучшую сторону. Появляется всё больше материалов о влиянии на людей гибели их братьев или сестер во время армейской службы. Вследствие таких изменений в общественном сознании и в результате растущего внимания к особой ранимости родственников погибших и была создана группа, о которой я сейчас расскажу.

«Прозрачное пространство» на уровне семьи.

«На похоронах брата ко мне подошел родственник и сказал: ‘Ты должна быть сильной для папы с мамой’». «Теперь ответственность за всё происходящее в семье лежит на тебе. Родители сломлены».

На первых стадиях траура родители обычно погружаются в тотальную душевную связь с погибшим сыном или дочерью. Это часто лишает их способности проявлять достаточное внимание по отношению к своим живым детям (Rubin, 1993). Но и в дальнейшем у них наблюдается склонность к **идеализации погибшего** за счет игнорирования живых сыновей и дочерей. Такая идеализация обеспечивает консервирование главного места в семье за погибшим – и, в то же время, отдаляет его образ. Подобным же путем временами проявляется и защитный механизм, предотвращающий выражение гнева родителями на бросившего их ребенка (Тамир, 1993).

Среди людей, чьи братья погибли, наиболее распространены чувство вины, обостренный страх смерти и гнев. Вину они чувствуют из-за прижизненной конкуренции с погибшим, из-за неразрешенных конфликтов с ним, из-за того факта, что сами остались в живых, а он – погиб.

Потеря брата может иметь огромное влияние на формирование самоидентификации оставшегося в живых; возможна также фиксация на самом этапе возникновения травмы (Christian, 2007).

Оставшийся в живых – как замена погибшему брату.

Подобные процессы неизбежно влияют на всё, происходящее в кругу семьи. Есть семьи, где более поздний ребенок фактически заменяет погибшего старшего (Cain & Cain, 1964). Бывает также, что от оставшегося в живых ждут, что он займет его место или продолжит его дело, форму поведения и т.д.. В описываемой здесь группе мы часто слышали следующие фразы:

«Я пробовал во всем ему подражать, чтобы сбегать память о нем»; или: «Я всегда и во всем помогаю брату, и после его смерти тоже». «Мой брат был героем, он отлично справлялся с любым делом, и мама постоянно разочарована тем, что я – не он, и никогда не смогу быть как он».

Более того, от людей, находившихся на разных стадиях развития личности в момент утраты брата, и родители, и окружение требуют теперь поменяться ролями с ними самими. Часто бывает, что окружение недвусмысленно даёт им понять: ты должен беречь родителей, быть сильным и сдержанным ради них (Ицкович и Глобман, 1992). Поэтому во многих случаях, люди, потерявшие братьев, сознательно стараются скрывать свои чувства. Такое поведение получило название «запрещенный траур» (Rosen, 1986). В большинстве случаев, братья погибших берут

на себя роль няньки собственных родителей. Результат: преждевременное взросление или отнятое детство.

Уступки и самопожертвование.

Многие из членов группы рассказывали о частых **уступках и самопожертвовании** в различных жизненных обстоятельствах – вследствие гибели братьев. Рассказывали о том, как вынуждены были оставить выбранный ими жизненный путь – учёбу, работу, возлюбленных – для того, чтобы вернуться домой и заняться уходом за родителями, утратившими другого ребенка. Воздержание от серьезных романтических отношений, чтобы оставить свободное время для ухода за родителями, супружество с ранеными или контуженными в боях – служат «подарочным» или бессознательным решением проблемы заполнения «пустого пространства», возникшего в результате гибели родных в армии.

Вы наверняка задаётесь вопросом, почему мы проводим с такими людьми групповую, а не индивидуальную психотерапию?

Зачем нужна групповая терапия?

Общепринятая предпосылка состоит в том, что терапию **расстройств в сфере человеческих отношений**, характеризуемых дисфункциональными поведенческими моделями, следует проводить в том месте, где они возникли и продолжают действовать. Необходимость возвращения к изначальным моделям и их нового запуска в действие требует работы над ними при помощи «тренировки эго в действии» (Foulkes, 1968), в соответствующем пространстве.

Групповая терапия позволяет участникам осуществить внутреннюю психологическую переработку братских отношений и их последствий. Она отводит место для резонанса переживаний, связанных с гибелью брата, с общей для участников судьбой, создавая таким образом уникальную ткань взаимоотношений, получившую название **«матрица»** (Foulkes, 1973), которая берет на себя роль дополнительного психотерапевта в группе. В этом пространстве можно рассматривать различные психологические уровни, характеризующие братские связи; в нем также пробуждаются к жизни отношения, роли и конфликты, характеризовавшие связь между братьями до того, как случилась беда, а также по ее следам. Группа выводит на поверхность **динамику братских отношений**, она может служить основой для исправления и оздоровления испорченных отношений и травм братских связей. Браун подчеркивает, что групповая терапия занимается не только завистью и конкуренцией, но также взаимодействием и сотрудничеством. Он утверждает, что динамика и многие содержательные элементы, характеризующие братские отношения, могут иметь место не в индивидуальной, а только в групповой терапии (Brown, 1998).

Групповое пространство позволяет каждому из нас

встречаться с различными элементами своего «Я», благодаря его отражениям в «Я» других участников, **восстанавливать свои явные и латентные поведенческие модели и структуры, испытывать новые паттерны взаимодействий на «игровом поле группы».** Тот факт, что ни один из участников группы не выбирает других ее членов, подчеркивает сильнейшее влияние их поведенческих моделей на выстраивание ими своих внутренних миров, отражающих с леденящей душу точностью прежние концепции, знакомые им по родительскому дому и выражающиеся в присвоении другим присутствующим ролей главных в их жизни фигур. Группа позволяет гораздо большее, чем просто «говорить о» связи, как с погибшим братом, так и с другими, живущими: она позволяет буквально «пережить» эту связь. Таким образом, она становится важным и мощным терапевтическим инструментом, действующим как групповое «здесь и сейчас», так и на семейное «там и тогда».

Группа людей, потерявших близких, отчет о которой я здесь представляю, была создана под эгидой израильского министерства обороны, отдела по делам семей и увековечения. Ее участники встречались раз в неделю в течение года; группу вели два психотерапевта. В группе было 12 человек – мужчин и женщин, потерявших родных в армии при разных обстоятельствах, много лет назад. Такая категория населения страны носит название: «давно пережившие утрату братьев или сестер».

Уникальные особенности группы переживших утрату родных

«Встретиться с похожими на меня» – переход от одиночества к причастности.

На первых этапах желание членов группы прорвать круг молчания и одиночества было велико, и братья погибших, посвятившие себя в прошлом поддержке горюющих родителей, говорили о том, что теперь, после стольких лет безмолвия, наступил их черед заняться собой. С первых же встреч многие были охвачены глубоким душевным волнением из-за ощущения общности с **«похожими на них»** и возможности поделиться переживанием длительного одиночества в связи с непризнанием их статуса своим окружением. После многолетнего непризнания, они открывали для себя в группе поле совместных переживаний, и причастность к сообществу равных себе по статусу имела для них терапевтическое и реанимирующее значение.

Тенденция к «отводу ведущего» и групповая самоорганизация в направлении «жизни без родителей»

На первых этапах терапевтического процесса, происходившего в группе, мы, двое ведущих, чувствовали себя несколько лишними, как будто нас «отодвинули» в сторону, чтобы мы не мешали участникам проводить встречи.

В начале терапевтического процесса нам казалась

странной эта тенденция группы к «отводу ведущих». На основании собственного опыта и большинства теорий по групповой терапии нам было известно, что на начальных этапах процесса отношение участников к ведущему характеризуется зависимостью и запросом о «кормлении» (nourishing). Бион (1992, стр. 41) описывает это следующими словами: «Члены группы ведут себя так, словно они ничего не знают, словно они неадекватные и незрелые создания. Их поведение предполагает, что лидер, напротив, всезнающ и всемогущ. Зачастую пациенты едины в своей вере, что если они просидят в группе достаточно долго, мудрый лидер обязательно предоставит им чудесное лекарство.» Здесь он опирается на одну из трех основ своей теории – постулат о базовой позиции зависимости, проявляющейся, согласно его утверждению, повсеместно во всех группах на первых этапах терапевтического процесса.

В нашей группе было иначе. Ее участники демонстрировали двойственное отношение к ведущим. С одной стороны, в соответствии с развитием процесса в обычных группах, они демонстрировали явную потребность в собственной зависимости от ведущих, обращаясь к нам с все новыми просьбами – чтобы мы им побольше разъясняли, успокаивали, вели их. С другой стороны, противоположное движение характеризовалось самоорганизацией группы для «жизни без родителей». На первый взгляд, главная групповая потребность состояла во встрече с себе подобными, и при этом отношение к ведущим характеризовалось подозрительностью и большой осторожностью. Наши действия, направленные на сохранение группы в ее собственных рамках, а также наши отклики на запрос участников о «кормлении» воспринимались на ранних этапах процесса как агрессия против группового пространства, а не как попытка сохранить его целостность.

Например, на каждой из трех первых встреч один из участников имел обыкновение раздражаться долгим душераздирающим монологом о пережитых им утратах, но делал это всегда в последние пять минут встречи. Говорил красноречиво, со взглядом, устремленным в пол, не поднимая глаз ни на секунду. В первых двух случаях я осторожно прерывала его, поясняя, что сегодняшняя встреча близится к концу и я приглашаю его выступить в следующий раз, чтобы мы смогли уделить его словам всю полноту внимания. Но и на третьей встрече он повел себя точно так же – начал говорить в самые последние минуты. Мне снова пришлось его остановить, но на этот раз я конфронтировала его тем, что он уже третий раз выбирает для своего выступления самый конец встречи. Я высказала предположение, что возвращение к его индивидуальной модели поведения, проявляющейся в неспособности вовремя завершить встречу, возможно, репрезентирует групповое решение предотвратить сегодняшнее расставание или хотя бы немного продлить жизнь группы. Моя трактовка была отвергнута им самим и группой. Моё вмешательство переживалось как агрессия и нападе-

ние, и на протяжении нескольких последующих встреч группа единогласно атаковала меня и другого ведущего из-за того, что мы не бережем группу – и в конце концов нам было заявлено, что мы здесь лишние и они прекрасно обойдутся без нас.

Рождение группы как параллель рождению семьи, пережившей гибель сына и брата

По-видимому, при «рождении группы» неосознанно были реконструированы моменты, следовавшие сразу за сообщением о гибели братьев, – те самые первые мгновения, в которые семьи членов группы начинали переживать утрату. При посредстве процессов, происходящих в терапевтической комнате, мы переживали вместе с ними момент исчезновения «брата»:

Один из участников покинул группу после первой встречи, без предупреждения. С тех пор, и почти до самого конца терапевтического процесса, кто-либо из членов группы не являлся на очередную встречу. Мы продолжали встречаться в кругу группы при пустующем стуле, – точно так же как члены группы продолжали жить с пустующим местом в кругу семьи.

Самоорганизация группы для «жизни без родителей» (посредством тенденции к «отводу» ведущих), потребность и просьба о родителе, подкрепляющем и поддерживающем в минуты беды (тенденция, выразившаяся в потребности в ведущих), а также гнев и разочарование при виде того, что ведущие не только проявляют сочувствие и контейнируют, но и устанавливают рамки поведения, и дают свою трактовку происходящему в группе, – всё это являлось проявлениями ранимости и агрессивности, которые были вызваны «пустующим местом» в каждом из присутствующих. Первичная связь группы с нами (ведущими) могла быть приравнена к концептуализации связи присутствующих с родителями после гибели братьев. Групповой нарратив был рассказом не только об утрате родителей как сильных фигур, способных поддержать и помочь в приключившейся с рассказчиком страшной беде, но и о том, как он стал с тех пор «ответственным [за родителей] взрослым». Жадная тяга к «родительскому кормлению», которое могли обеспечить ведущие, постоянно натывалась на новые и новые отказы его получить.

Создание «набора услуг для самопомощи»

При названных обстоятельствах, участники группы нашли выход из положения, похожий на выход, найденный ими у себя в семьях. Они создали «набор услуг для самопомощи» в виде альтернативной терапии до и после встреч группы, а именно: советы в профессиональных областях участников и беседы после групповых встреч, в ходе которых, согласно их утверждению, происходят самые существенные вещи, необходимые им для положительных изменений во внутреннем мире и для личностного прогресса.

Например, «однажды вечером мы со вторым ведущим вошли, как обычно, за полчаса до начала групповой встречи в здание министерства обороны, чтобы подготовить комнату к приходу группы и обсудить между собой происходящее в ней. Войдя в вестибюль, мы были удивлены, обнаружив там членов нашей группы: собралась почти половина участников. Они сидели, беседуя друг с другом. Позже, во время общей встречи, они рассказали нам, что уже некоторое время встречаются таким образом «для самопомощи», но на сей раз решили собраться не в соседнем кафе, а прямо в вестибюле министерства обороны. «На этих встречах мы действительно сами себе помогаем, причем во всех сферах; и на самом-то деле для нас существенны именно они, а не обще-групповые.»».

Конфликт между группой и ведущими.

Конфликт между группой и ведущими, связавший просьбу о «родительском кормлении» с отказом его получить, напоминал внутренний конфликт, возникший при получении страшной вести о гибели брата, когда острая родительская потребность во «взрослом» покровительстве со стороны оставшегося в живых сына совпала с его неспособностью ответить на такую потребность. В момент сообщения о гибели сына и брата возникла новая, другая семья – семья, пережившая утрату. Новая действительность навязала резкий поворот в отношениях между родителями и детьми, оставшимися в живых. Живущие братья внезапно осознали всю меру родительской сломленности, и вместе с ней, – свою новую роль спасителя и опоры для собственных родителей. Жизнь раскололась надвое: «до сообщения» и «после него».

На определенном этапе группе даже удалось внести раскол между нами (ведущими). Я ощущала собственную вину и невозможность дать группе наиболее благоприятные условия для саморазвития, чувствовала бессилие перед непрерывными угрозами со стороны участников прекратить приходиться на встречи; я боролась за каждого человека – чтобы не уходили. В противоположность мне, другой ведущий, в прошлом военный, не собирался поддаваться угрозам и постоянно жить с ними. Он был склонен сдавать позиции практически сразу – как только кто-либо из участников высказывал мысль об уходе.

Исходя из конфликта, возникшего между нами в свете разных реакций на происходящее, мы обнаружили раскол также и в группе, вместе с разной степенью успеха сыновей в поддержке или не-поддержке родителей. Некоторые рассказывали о полном отказе от связи с кем-либо из родителей, по причине крайней усталости в деле их «спасения и возврата к жизни»; и наоборот – другие поведали о преданности родителям и об упорстве при возвращении им жизненных сил и смысла жизни. Обнаружение процесса раскола и последующего его возврата в группу помогло предотвратить обесценивание одного из ведущих, а также стимулировать работу участников по принятию элементов своего расщепленного «я», содержащего

как потребность возвращения к жизни, так и отказ от него – и отчаяние.

Борьба за признание или выход из статуса «прозрачного пространства» в статус «живого присутствия» (Анна Альварес)

На первых этапах психотерапевтического процесса группа многократно пыталась «уничтожить» обоих ведущих вместе или по очереди. Она задействовала против нас целый ряд «механизмов уничтожения», надеясь при этом, что мы не только переживем ее атаки, но и воздержимся от мщения или агрессии со своей стороны. На более продвинутых этапах механизмы нападения приводились в действие уже между самими участниками, при том, что способность группы в целом и отдельных ее участников в частности переносить атаки, «выживая» в них, выстраивала «защищенную территорию», служащую для перехода от бессознательного существования в качестве «пустого пространства» к состоянию живого присутствия в своей собственной жизни.

Винникотт разъясняет, что признание «другого» связано с парадоксальным процессом, при котором объект постоянно уничтожается нашей фантазией. Он утверждает, что нам необходимо уничтожить объект внутри себя, для того, чтобы суметь понять, что снаружи он сохранил свою целостность. Таким образом мы сможем отождествить его со всеми теми, кто неподвластен нашему сознанию. Эта связь между уничтожением и выживанием представляет собой как новую формулировку, так и разрешение парадокса Гегеля: «В борьбе за признание каждый обязан рисковать жизнью, борясь во имя отрицания другого – и горе ему, если не преуспеет в этом. Ибо когда я полностью отрицаю другого, его не существует, а когда его нет – некому меня признать.»

Процесс признания был связан прежде всего с «отводом» ведущих, внесением «раскола» между ними, их «отрицанием», «атаками» на них, – и все это ради того, чтобы в конце концов засвидетельствовать их «выживание». Дело в том, что ведущие были непосредственными «посланниками» министерства обороны, которое до той поры одаривало признанием не людей, чьи братья погибли, а только их родителей, – что выражалось в денежной компенсации, ежемесячной пенсии и пакете медицинских услуг для семей, переживших утрату. Группа отождествляла нас (ведущих) с министерством обороны. Министерством мы были наняты как временные работники, но оказались первыми как бы официальными фигурами, представлявшими государство, и братьями погибших были встречены как формальные его представители, призванные обеспечить их официальное признание и изменения статуса в обществе. Лишь после того, как группа убедилась, что ее атаки мы выдержали, она смогла воспользоваться нами «по Винникотту» – т.е. с целью взаимного признания и принятия собственной субъективности.

«Общий диапазон» или бессознательные социальные процессы в группе

На первой встрече участники представлялись не согласно традиционно принятому порядку (т.е. последовательно по кругу), почти всегда характерному для групп, опасаящихся первой встречи по причине неуверенности ее членов в себе и партнерах, а также из-за незнакомства с ними. Мы поняли с самого начала, что вступление каждого из присутствующих в общий круг было задано какой-то иной – внутренней – последовательностью. Но только к концу встречи нам стал ясен **бессознательный порядок**, направлявший первичную сеть взаимосвязей между ними: все зависело от обстоятельств гибели братьев. Первые из выступавших представлялись, рассказывая о брате-герое, павшем на войне или в сражении; вслед за ними выступали лишившиеся братьев в какой-то из военных катастроф; последними оказались рассказавшие о самоубийстве брата в армии.

Нас не удивило распределение участников группы при первом знакомстве согласно **«иерархии смерти»**. Оно укрепило нас в глубинном понимании того, как функционирует в обществе иерархическое деление по сознательным и бессознательным признакам. Хотя «социальное бессознательное» и не обладает обязательной привязкой ко времени и месту (Вайнберг, 2007), по-видимому тот факт, что встречи группы происходили в здании министерства обороны, обладал немалым весом в контексте вопросов, имеющих отношение к «священной семье несущих национальный траур в Израиле» – на протяжении всей жизни группы.

«Иерархия смерти», возникшая в группе с первых минут совместной работы, оказалась для нас дополнительной демонстрацией бессознательных групповых процессов. В первых же выступлениях, как и в изначальном размещении в терапевтической комнате, члены группы заявили о своем социальном статусе в соответствии с его отражением в зеркале социума. Близость и своего рода сопричастность к «боевому героизму» погибшего брата диктовали бессознательный социальный порядок, в котором живущие братья представлялись на первой встрече, – и только впоследствии начала развиваться уже откровенная беседа об «иерархии смерти» в израильском обществе, а также о собственном социальном статусе участников в соответствии с ней.

Интересное изменение в «иерархии смерти» произошло на протяжении дальнейших групповых встреч, после того как одна участница сказала мужчине, чей брат наложил на себя руки в армии: **«Моше, я тебе по-настоящему завидую: твой брат покончил с собой, а не погиб в бою, как мой. Твой распрощался с жизнью хотя бы по собственному выбору. Если бы так поступил мой брат, я отнеслась бы к его выбору с уважением – потому, что у него есть полное право принимать решения о своей собственной жизни. Мне больно, что**

он погиб не по собственному выбору, не приняв своего собственного решения расстаться с жизнью.»

Начиная с этого момента группе впервые представилась возможность заново поразмыслить о неизменных и непререкаемых социальных порядках, установившихся в ней с самого начала. Теперь стало не обязательным говорить о героях со священным трепетом в голосе, а о самоубийцах – как о самом отвратительном явлении на свете.

Пустые места в группе

К исследованию реально и латентно пустых мест в группе мы пришли как в результате совместного коллективного рассмотрения таких мест, так и вследствие их постоянно повторяющегося появления. В большинстве случаев, группа бессознательно организовывала к каждой следующей встрече «дежурство», выражавшееся в отсутствии кого-нибудь из участников: один из стульев в нашем кругу обязательно оставался пустым. Во время почти половины от общего числа групповых встреч постоянно повторялись ситуации, при которых кто-то из участников угрожал уходом – в то время как другие встречи характеризовались групповыми «спасательными» действиями с нашим участием, цель которых состояла в возврате участника обратно в группу и в его «возвращении к жизни». Невыносимые угрозы и постоянное ожидание беды обостряли ранимость и душевную обнаженность группы. Физически пустое пространство, заменявшее отсутствующих членов группы, олицетворяло для нас как пустоту утраты в душе каждого из участников, так и чисто внешнюю пустоту, создавшуюся в виде части группового целого в ходе терапевтического процесса, а также в виде пустого пространства в семье и обществе, переживающих утрату.

Такие пустоты выражают способность группы исследовать с помощью внешнего контейнера бессознательно пустые места во внутреннем мире человека (Walshe, 1995). Эта идея помогла нам укрепиться в предположении, что отсутствие участника на групповых встречах несет добавочный смысл, помимо сопротивления терапевтическому процессу и связанных с ним сложностей, а также помимо возникновения anti group (там же). **Тема «внутренней пустоты»** или, согласно терминологии Эдны Балинт (Balint, 1993), тема «опустошенности своего 'я'», вошла в групповую работу из рассказов участников об «автоматическом поведении», в ходе которого, по их словам, они чувствовали, что живут в отрыве от самих себя, в тоске и одиночестве. Люди приводили самые разные описания попыток заполнить свою «внутреннюю пустоту», но чаще всего мы слышали рассказы об усилиях по «наполнению собственного 'я'» с помощью абсолютно реального и конкретного «заполнения внешних пустот».

Например, один из участников рассказал, что на протяжении 22-х лет супружеской жизни у него не было ни одной субботы, когда он предпочел бы остаться дома в обществе «одних только» жены и детей, – или пое-

хоть «только с ними» отдохнуть где-нибудь вне дома. **«Каждую субботу у меня дома полно людей: друзья, соседи, родители, брат с семьей. Приходит кто угодно, двери открыты, и если на каком-то этапе я чувствую, что народу слишком много, я иду наверх поспать, а потом опять возвращаюсь к гостям. Просто не могу выносить по субботам пустой дом, мне абсолютно необходимо заполнить его кем угодно.»** Другая участница поделилась похожим опытом: **«У меня есть кладовка, где я держу всё необходимое для дома. Любой предмет покупаю по меньшей мере в десяти экземплярах, а когда замечаю, что что-нибудь вот-вот закончится – т.е. осталось штук пять или меньше – немедленно еду докупать недостающее количество. Соседи знают: у меня всегда найдется для них всё, что угодно. Они говорят, что в моей кладовке выбор богаче, чем в супермаркете.»**

Другие члены группы отмечали обратное явление – «консервацию пустого места» в жизни. Мира, одна из участниц, рассказала следующее: **«Одно всегда идет за счет другого: ну, никак они не в состоянии 'уживаться' друг с другом...»; «с тех самых пор и по сей день мне не удалось совместить какие-либо романтические отношения с уходом за родителями – я всегда выбирала родителей, пренебрегая собой.»**

Отказавшись от супружеских отношений, от рождения детей, Мира **«консервировала романтическую пустоту»**, будучи уверенной, что, выбери она заполнение пустого пространства замужеством и детьми, – это причинит боль ее родителям, подчеркнув с удвоенной силой то, чего их погибший сын достичь не успел.

«Это напоминает мои покупки, – рассказала Гила, – всякий раз, купив новую одежду, я обязательно должна выбросить что-то из старой. Ничто новое не может пополнить мой гардероб, если я не избавлюсь от какой-нибудь старой одежды.»

В случае Гилы, **«консервация пустоты»** представляет собой защиту от беды. В день гибели брата она ждала его дома с горой подарков на день рождения. Теперь же, избавляясь от старой одежды при покупке новой, она ощущает иллюзию защищенности «от страшных сюрпризов», связавшихся в ее сознании с материальной неуравновешенностью.

Потребность заполнить пустоту

Начиная с первой же встречи, участники очень легко и быстро раскрывались перед группой, легко вступали в дружеские отношения. Создавалось впечатление, будто мы давно и глубоко погружены в терапевтический процесс, и речь не идет о встречах, где происходит лишь первое знакомство и только начинает выстраиваться взаимное доверие. Естественно, мы задавались вопросом: куда все так торопятся? Сначала думали, что такие открытость и дружелюбие вызваны жаждой связи с дру-

гими людьми, потерявшими близких в армии, и желанием установить контакт как можно скорее. Но более глубокий взгляд на взаимодействие участников раскрыл для нас иные побудительные мотивы, оказавшиеся даже противоположными первым. Оказалось, что такая склонность к откровенным выступлениям и с виду быстрое продвижение в терапевтическом процессе служили защитой от подлинно глубокого и близкого контакта с себе подобными, обеспечивая быстрое притупление чувств опасения и тревоги в группе – из желания заполнить, «замуровать» внутреннюю пустоту. Нижеследующие примеры прояснили для нас подлинный смысл лихорадочного стремления к преждевременно близким дружеским отношениям:

Нива, участница группы, рассказала: **«Не успела я вернуться домой из синагоги, как явились солдаты и сказали, что ищут брата, просили позвать его как можно скорее. Я бегом кинулась к нему сообщить, что за ним пришли из армии – он взял с собой какие-то вещи и ушел. Я говорила ему, что сбегаю за родителями, чтобы они могли с ним попрощаться, но он сказал, что нет времени, его ждут, и чтобы я передала родителям, что он ушел. Больше он домой не вернулся. Ни родители, ни сестры не попрощались с ним перед уходом. Но они не винят меня в том, что я не позвала их – я сама чувствую, что должна была настоять на своем...».**

Нива говорила с такой скоростью, что создавалось впечатление, будто она не останавливается даже чтобы набрать воздуха. Рассказав приведенное выше, она немедленно перешла к следующему эпизоду, повествуя о нем с широкой улыбкой, обычно озарявшей ее лицо в наиболее болезненные моменты. Подобно такой манере безостановочно говорить, жизнь ее чрезмерно переполнена, перегружена событиями: **«Не помню ни единого вечера в последние годы, когда я оставалась бы дома одна или с мужем и детьми.»** Нива не прерывает бег ни на минуту. Она заполняет, замуровывает любое пустое пространство в своем расписании. Но почему так страшно остановиться? Перед чем защищает ее столь интенсивное заполнение пустот? Сможет ли безостановочное движение уберечь от переполняющих ее невыносимых эмоций?.. Возможно, пока она продолжает бежать, беда всё еще не объявлена – до сих пор не прибыла та страшная весть, которая остановила и навсегда выбила из колеи жизнь всей семьи...

Шай, один из членов группы, рассказал в ответ на Нивино выступление, что он обычно ускоряет шаги, стараясь побыстрее пройти мимо комнаты, где его жена говорит по скайпу с их младшей дочерью, уехавшей восемь месяцев назад в путешествие по странам Востока. **«Не полагаюсь на себя, что не раскисну всерьез, – отвечает Шай кому-то из участников, спросившего, почему тот не останавливается. – Я менее болезненно переношу ее отсутствие, когда совсем ее не вижу.»**

«Бег» защищает Ниву, Шая и других участников группы от угроз и страхов, от чувства вины и великой боли. Вслед за Нивой и Шаем, другие тоже рассказали о своем «беге» как о защитном средстве против депрессии, дающем возможность нормально функционировать в обществе и жить дальше. Несколько женщин рассказали о «скороспелых» замужествах примерно через год после того, как случилась беда. Они стремились поддержать жизнь, заполняя ужасную пустоту в семье, возникшую в результате гибели брата. Однако, ни свадьба, ни появление нового мужчины в семье не были способны восполнить утрату, и в определенных случаях такая попытка заполнения пустого пространства только обостряла ощущение его наличия. В дальнейшем, по мере продвижения терапевтического процесса, данная тема обсуждалась более интенсивно.

Совместная встреча с пустым пространством в группе и возможность пережить его заново без попыток избежать или уйти от него – позволили создание совместного контейнера, в котором оно могло содержаться. Такой групповой контейнер подарил нам всем усиленную способность справляться с пустым пространством в жизни как с ее неотъемлемой частью. Постепенно группа стала еще более плодотворным полем для возрождения тоски по близким и гнева на них, для ощущения собственной вины и боли каждого из участников. Агрессивность и бунтарство, подавляемые ранее при общении со скорбящими родителями, были направлены в группе сперва против ведущих, а в дальнейшем и против других членов группы. Заключение в групповой контейнер и «переваривание» болезненных и невыносимых частей собственного «я» – стали первыми важными признаками стремления к изменению поведенческих моделей и ролей, препятствующих индивидуальному возрождению переживших утрату. Возможность прекратить «бег», остановиться, пережить и переработать заново, совместно, материи, не поддающиеся самостоятельному «перевариванию», – обеспечила необходимую поддержку, расширив как обще-групповой внутренний контейнер, так и индивидуальные контейнеры участников.

МЕТОД РАБОТЫ С «ПУСТУЮЩИМ МЕСТОМ» В ГРУППЕ

Сохранение постоянного порядка расстановки стульев по кругу

Почти на каждой встрече обязательно отсутствовал кто-нибудь из участников. За исключением четырех раз на протяжении всего года, встречи проводились при наличии «пустующего места» в группе – свободного стула, на котором никто не сидел. Такой стул символизировал групповое «пустое пространство». Наш метод работы включал в себя сохранение пустого стула в общем кругу, безотносительно к причине неявки отсутствующего, и даже когда нам было заранее известно, что человек не придет. «Отсутствующий» получал доминантную роль, и получилось

так, что каждый из участников обязательно побывал у нас в обеих ролях: как «отсутствующего», так и «присутствующего». Каждому в свой черед довелось вести с остальными беседу, в ходе которой тот выяснял, как развивались события в группе в его отсутствие, – реализуя таким образом невысказанные фантазии по поводу вопроса: что происходило бы в семье, если бы в армии погиб он сам, а не брат. Пустое пространство стало центральной темой и каналом как внутри-группового общения, так и контакта с нами, ведущими. Коллективное бессознательное «создало» мелодию, в которой отсутствие занимало место более значительное, чем присутствие – точно как в семьях, где погибший брат «заполнял» своим отсутствием пространство более обширное, чем живущий. Неявка на встречи и постоянные угрозы ухода из группы заражали участников одного за другим, в головокружительном темпе.

Отказ от стремления к «групповой целостности»:

И членам группы, и нам, как ведущим, изначально хотелось, чтобы круг присутствующих был полон и пустых мест не оставалось. Однако во всех тех четырех случаях за весь год, когда это наше совместное желание осуществлялось, начинало происходить что-то крайне странное: через несколько минут после изъявления радости и хорошего душевного волнения по поводу собравшегося «кворума» – группа впадала в некую форму стагнации, охваченная ужасом перед полнотой круга. Беседа в группе велась прохладно и как бы удаленно, будто только благодаря «пустующему месту» могло возникнуть такое взаимодействие, которого не было и в помине при «кворуме». Со временем мы поняли, что целостность группы включает в себя и отсутствие, и «пустое место», в то время как «кворум» возвращает всех нас к последним минутам перед приходом вести о том, что случилась беда. Поэтому работу в группе характеризовали **интерпретация значения «пустого места», прямая речь о нем** в самых разных контекстах жизни каждого из участников, а также **отказ от несбыточных фантазий о достижения целостности** – в группе или в жизни.

Терапия при посредстве «заполненных и пустых пространств» в комнате

Постоянное наличие в кругу присутствующих кого-нибудь одного «пустующего стула» делало до дрожи ощутимым пустующее в физическом и метафорическом смысле место за семейным столом, сохраненное для погибшего брата. Пустой стул, равно как и постоянные угрозы со стороны кого-нибудь из присутствующих уйти и не вернуться, играли терапевтическую роль в групповом процессе, – роль, при которой пустое пространство обеспечивало движение между замалчиваемыми и отключенными частями собственного «я» каждого из участников, а также давало выражение их ранее невысказанным фантазиям по поводу своей собственной возможной гибели взамен смерти брата. Такая групповая работа при посредстве

пустых пространств, находящих выражение в разных видах отсутствий, опозданий или угроз оставить группу, делала «законными» и дозволенными их переживания и давала возможность возрождения и излечения в группе с помощью «тренировки эго в действии».

Идентификация «поведенческих» паттернов в группе и их трансформирование в речь

Стремление сохранить «пустое пространство в группе» и навязчивое желание работать над собой при его посредстве оказались для участников насущной потребностью, удовлетворение которой имело для них терапевтическое значение. Благодаря коллективному стремлению сохранять пустое пространство в группе и навязчивому желанию постоянно к нему возвращаться, нам удалось помочь людям трансформировать его в слова, мысли и формы поведения, которые прежде никогда не обдумывались, не достигали уровня понимания и концептуализации. Слова, произносимые в группе, обладают большой силой – но и не меньшим эффектом присутствия и могуществом обладают слова непроизнесённые. Подобным же образом в группе людей, чьи близкие погибли в армии, придавалось большое значение как присутствию, так и отсутствию участников.

Трансформация в группе

Выше я уже отмечала, что при групповой работе реконструируются отношения между братьями в семье. Поэтому группа служит местом, где травма потери брата получает условия для внутренней психологической переработки и может быть вылечена. Гроссмарк (Grossmark, 2007) полагает, что любое действие члена группы отражает его внутренний мир и является средством общения с другими. Таким образом, группа позволяет реинсценировать внутренний мир участников, достигая альтернативных эмоциональных решений в тех его частях, где есть стагнация и фиксация. Отсюда следует, что психотерапевтический процесс в группе людей, потерявших близких во время армейской службы последних, реконструирует структуры и модели поведения, имевшие место в родительском доме перенесших утрату. Это происходит при посредстве «отраженной» встречи с «другими», у которых всё точно так же «как у меня».

Групповые встречи привели ко многим существенным изменениям во внутреннем мире участников: от «прозрачного пространства» до «живого присутствия» своего «я» в их реальной жизни. К концу процесса, члены группы рассказывали об этих изменениях своими словами:

Нива: «20 лет я работала секретаршей в доме для престарелых и всё ждала, когда бизнес мужа наконец пойдет в гору – точно так же как ждала, когда наконец родители обратят на меня внимание после гибели брата. Сегодня я больше ничего не жду, настало время жить в полную силу! Оставила свою дохлую работу в богадельне, нашла другую, соответствующую

ую моим способностям; начала танцевать зумбу; и, самое главное, – стала членом профсоюза, чтобы вносить желательные изменения в существующую действительность и перестать ждать, пока со мной когда-нибудь случится что-нибудь хорошее.»

Илана: *«После его смерти у меня не осталось никакой другой самоидентификации, кроме как ‘сестра солдата, погибшего в армии’. Не раз при знакомстве, прежде чем назвать свое имя, я представлялась прежде всего в качестве ‘сестры погибшего’, – без разбора, уместно ли это или нет. Любое другое поведение ощущалось бы мной тогда как измена памяти брата. Память о нем была первичной составляющей моей личности. Сегодня она на каком-нибудь пятом месте среди всего того, что я рассказываю о себе, да и то не всюду, а только в подходящих обстоятельствах.»*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Описанная выше работа с людьми, перенесшими гибель родных, позволила мне увидеть под новым углом «пустующие места» в терапевтической комнате – в контексте группового психотерапевтического процесса по излечению травм потери. Групповая работа была сосредоточена, в основном, на потерях, оставивших за собой множество «пустых пространств» как во внутреннем мире членов группы, так и в их реальной жизни. «Пустое пространство» занимало главное место в комнате, в словесных описаниях участниками своей «внутренней пустоты», возникшей у них в жизни после гибели брата, а также – в групповом «сценарии», в рамках которого в кругу присутствующих оставались пустые стулья почти на каждой из встреч в течение года. Эти стулья были символическим выражением индивидуального и семейного «пустого пространства» в жизни участников. Жизнь группы проходила на фоне постоянных угроз со стороны участников уйти, исчезнуть. Такие угрозы только усиливали и закрепляли опасения, панику и боль в ожидании реальной «утраты» кого-нибудь из участников. Из-за реальных уходов и неявок, в группе иногда воцарялось чувство безнадежного развала, напоминавшее похожее ощущение в семьях участников.

Я убеждена, что «консервация пустого пространства в группе», настойчивая работа с ним и при его посредстве, – обладали для членов группы решающим терапевтическим значением. Навязчивое возвращение «пустого пространства» способствовало трансформации в слова мыслей и форм поведения, которые прежде никогда не обдумывались, не достигали уровня понимания и концептуализации. Более того, оно вызывало живое движение элементов «пустых пространств», выключенных из «я» участников, вызывая их возвращение к жизни.

Восприятие целостности в группе лиц, переживших утрату, состоит как из «полных», так и из «пустых» пространств. Иными словами, я утверждаю, что при работе

с людьми, пережившими утрату близких в армии, невяки на встречи и пустые стулья в кругу группы являются неотъемлемым элементом группового целого. Подобно тому, как «пустое пространство» является неотъемлемой частью жизни отдельных членов группы, оно же представляет собой интегральную составляющую группового целого. Поэтому для тех, кто пережил утрату близких в армии, «жизнь с пустым пространством» представляется задачей как индивидуальной, так и групповой. Но группа не должна заполнять пустоты, а восставать к жизни, используя их терапевтический эффект.

ЛИТЕРАТУРА

- Balint, E., (1993). *Before I was I: Psychoanalysis and the Imagination*. London: FreeAssociation Books.
- Bank, S. P. and Kahn, M. D., (1982). *The Sibling Bond*. New York: Basic Books.
- Bion, W. R., (1961). *Experiences in Groups*. London: Tavistock.
- Biran, H., (2011). Group Therapy as a Space of Experience versus Individual Therapy as a Space of Observation. *Mikbatz*, 16(2): 25-38.
- Bledin, K., (2006). Empty Spaces in Group-Analytic Psychotherapy Groups. *Group Analysis*, 31(3): 45-57.
- Brown, D., (1998). Fair Shares and Mutual Concern: The Role of Sibling Relationships. *Group Analysis*, 31(3): 26-31.
- Cain, A. C. and Cain, B. S., (1964). On Replacing a Child. *J. Am. Acad. Child Psychiatry*, 3: 443-456.
- Christian, C., (2007). Sibling Loss, Guilt and Reparation: A Case Study. *The International Journal of Psychoanalysis*, 88(1): 41-54.
- Dalal, F. (2001). The Social Unconscious: A Post-Foulkesian Perspective. *Group Analysis*, 34(4): 539-555.
- Doka, K. J. (1989). Disenfranchised Grief, in K. J. Doka (ed.) *Disenfranchised Grief: Recognizing Hidden Sorrow*. Canada: Lexington Books.
- Doka, K. J. (2002). *Disenfranchised Grief: New Directions, Challenges and Strategies for Practice*. Champaign, IL: Research Press.
- Dunn, J., (1995). *From One Child to Two*. New York: Ballantine Books.
- Foulkes, S. H., (1973). The Group as Matrix of the Individual's Mental Life. In R. E. Wolberg and E. K. Schwartz (eds.), *Group Therapy*. New York: Intercontinental Medical.
- Foulkes, S. H., (1975). *Group Analytic Psychotherapy: Method and Principles*. London: Gordon and Breach.
- Freud, S., (1958). Remembering, Repeating and Working-Through. *SE 12*, pp. 145-156. London: Hogarth Press.
- Grossmark, R., (2007). The Edge of Chaos: Enactment, Disruption and Emergence in Group Psychotherapy. *Psychoanalytic Dialogues*, 17(4): 479-499.
- Herman, J., (1992). *Trauma and Recovery*. New York: Basic Books.
- Hopper, E., (2003). *The Social Unconscious*. London and Philadelphia: Jessica Kingsley.
- Horowitz, M. J., (1986). Stress - Response Syndromes: A Review of Posttraumatic and Adjustment Disorders. *Hospital & Community Psychiatry*, 37(3): 241-249.
- Itskowitz, R. and Globman, H., (1992). *Bereaved Siblings*. Tel Aviv: Reshafim. [Hebrew]
- Lebel, U., (2012). Second Class Loss: The Families of Terrorism Victims and the Political Psychology of Rehabilitation. *Iyunim beTkumat Israel*, 22: 359-398. [Hebrew]
- Nitsun, M., (1996). *The Anti-Group: Destructive Forces in the Group and their Creative Potential*. London: Routledge.
- Rioch, M. J., (1970). The Work of Wilfred Bion on Groups. *Psychiatry*, 33: 56-66.
- Rosen, H., (1986). *Unspoken Grief: Coping with Childhood Sibling Loss*. Lexington, MA: Lexington Books.
- Rubin, S., (1999). The Two Track Model of Bereavement: Overview, Retrospect and Prospect. *Death Studies*, 23: 681-714.
- Rubin, S., Malkinson, R. and Witztum, E., (2014). Therapeutic Intervention for Bereavement: Controversy and Consensus. *Sichot*, 28(3): 270-276. [Hebrew]
- Sacks, O., (1985). *The Man Who Mistook his Wife for a Hat*. New York: Simon and Schuster.
- Tamir, G., (1993). Long term adjustment among war bereaved Israeli parents. In R. Malkinson, E. Witztum, and S. Rubin, (eds.), *Loss and Bereavement in Jewish Society in Israel*. Jerusalem: Cana. pp. 51-70.
- Walshe, J. (1995). The External Space in Group Work. *Group Analysis*, 28(4): 413-427.
- Weinberg, H. and Schneider, S., (2007). The Large Group: Structure, Goals, Characteristics, Processes & Dynamics. *Mikbaz, the Israeli Journal of Group-Psychotherapy*. 12(1): 39-52. [Hebrew] Элла Столпер, М.А

Элла Столпер, М.А

социальный работник, супервизор и психотерапевт в индивидуальной и групповой психотерапии в частной клинике в Тель Авиве. Руководитель программы по групповой психотерапии в Центральной школе по повышению квалификации социальных работников. Преподаватель и ведущая программы по групповой психотерапии в Тель Авивском университете, а также в Академии Общества и Искусства в Натани. Член Института Группового Анализа

Ella Stolper, M.A.

is a supervisor and social worker practicing individual and group psychotherapy. She has her own private practice. She is a faculty member at the Group Facilitation Programs at Tel Aviv University and at the Netanya Academic College of Arts and Society. She is the coordinator of the Group Facilitation Program at the Central School for Social Service Workers and a graduate and member of the Israeli Institute of Group Analysis.

ellastolper@gmail.com

EFPP Psychoanalytic Psychotherapy Review

Editor in Chief Gila Ofer, PhD
Editor Peter-Christian Miest, lic. phil.
Editorial Board Pierre Benghozi, MD · Athena Chatjoulis, PhD · Simona Nissim, MD
Associate Editors Mário David · María Teresa Díez Grieser, PhD · Åke Granberg, PhD · Taras Levin · Glòria Mateu Vives, PhD · Manuela Porto, MD · Tatjana Psuhkarova, MD, prof · Ulrich Schultz-Venrath, Prof. Dr. med. · Eileen Katarzyna Skrzypek · Michael Stasch, Dipl.-Psych.

The EFPP Psychoanalytic Psychotherapy Review is published under an **open access Creative Commons license** (CC-BY). Under the terms of this license, authors retain ownership of the copyright of their articles. However, the license permits any user to download, print out, extract, reuse, archive, and distribute the article, so long as appropriate credit is given to the authors and source of the work. The license ensures that the authors' article will be available as widely as possible and that the article can be included in any scientific archive.